КТО-ТО ПРОЖИЛ МОЮ ЖИЗНЬ

Станислав Оушен

Кто-то прожил мою жизнь

«Автор»
2026

Оушен С.

Кто-то прожил мою жизнь / С. Оушен — «Автор», 2026

Однажды Юля слышит свою жизнь в популярном подкасте. Ведущая рассказывает чужим голосом о её детстве, отце и событиях, которые были записаны только в личном дневнике. Всё это представлено как история другой женщины.След ведёт к старой подруге, давним обидам и людям, которые умеют превращать чужие воспоминания в прибыльный продукт. Но вернуть себе прошлое оказывается сложнее, чем доказать, кому принадлежат слова.

© Оушен С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я умерла в чужом голосе 5
Глава 2. На кухне без наушников 6
Глава 3. Саша 7
Глава 4. Дневник для курса 8
Глава 5. Очень настоящая биография 10
Глава 6. Мама в старом пальто 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Станислав Оушен
Кто-то прожил мою жизнь

Глава 1. Я умерла в чужом голосе

— В двадцать два я приехала к отцу, но не поднялась на его этаж. Он умер через четыре дня. С тех пор мне кажется, что я опоздала не на встречу, а на целую жизнь.

Эти слова произнесла девушка в наушниках. Голос был чужой. История — моя.

Я стояла в очереди в аптеке и слушала популярный подкаст «Настоящие истории». Женщина по имени Саша рассказывала, как выросла в посёлке у реки, как боялась заходить в старый гараж, как прятала письма отца в книге по географии. Я слушала уже десять минут и всё ещё пыталась объяснить совпадения.

Потом прозвучала фраза, которую не могла знать даже мама:

— Я назвала последнюю запись «Двадцать четвёртая ступенька», потому что столько ступеней было в подъезде отца. Я считала их каждый раз, когда приходила и не решалась позвонить.

Эту запись я сделала семь лет назад — через пять лет после смерти отца. Тогда я впервые попробовала рассказать на диктофон о дне, когда не решилась подняться к нему. Файл лежал в моём личном дневнике, спрятанном в архиве с нелепым названием «Старые квитанции».

Ведущая подкаста мягко спросила Сашу, простила ли она себя. Та ответила моими словами из записной книжки: «Я ещё не решила, можно ли».

Фармацевт назвала мою фамилию. Я не услышала с первого раза.

— Вам нехорошо? — спросила она.

Мне хотелось сказать: «Кто-то сейчас живёт моей жизнью». Но в очереди стояли люди, за окном моросил дождь. Я забрала лекарство и вышла, прижимая телефон к уху так, будто чужой голос можно удержать внутри экрана.

Я достала телефон, чтобы позвонить Косте, и остановилась на его имени. Мы расстались два года назад. Иногда я всё ещё набирала номер, когда случалось что-то плохое. Костя однажды сказал: «Ты так боишься ошибиться, что вообще молчишь». Я тогда хлопнула дверью. Теперь всё равно вспомнила его голос.

Я дошла до трамвайной остановки, достала из сумки блокнот и написала три строки: «Фраза про ступеньки. Имя Саша. Письмо отцу». Старалась писать ровно. Ветер вырывал листы из рук. Молодая женщина с коляской предложила подержать пакет, пока я уберу блокнот. Я поблагодарила. От чужой простой помощи чуть не расплакалась сильнее, чем от подкаста.

В трамвае я выключила подкаст, но на остановке услышала из чужих наушников знакомую интонацию ведущей. Вышла на одну остановку раньше и простояла под навесом, пока не перестали дрожать пальцы.

Глава 2. На кухне без наушников

Домой я приехала с холодными руками. Лекарство из аптеки лежало в сумке, я забыла, зачем покупала его. Включила чайник и открыла выпуск ещё раз. Хотела убедиться, что услышала именно свои слова, а не похожую историю. Голос Саши звучал спокойно, будто она давно примирилась с тем, что рассказывала.

Я остановила запись на фразе о двадцать четвёртой ступеньке. В моём дневнике она стояла рядом с датой, когда мне исполнилось двадцать семь. Я сидела тогда в пустой квартире, держала диктофон и пыталась говорить о том, почему пять лет назад не поднялась к отцу. Никому не показывала исходный файл целиком.

На столе стояла банка растворимого кофе. Я открыла её, понюхала и закрыла. Пить не хотелось. Вместо этого достала бумажную тетрадь, нашла страницу с тем самым названием. Буквы были неровные, часть текста зачёркнута. После фразы о ступеньках я написала: «Потом я пошла домой и купила хлеб». В подкасте этой строчки не было. Чужой редактор убрал её как ненужную.

Я вспомнила тот вечер: продавщица в магазине спросила, какой батон мне нужен, а я стояла и не могла выбрать. Мне стало страшно не от того, что кто-то скопировал красивые слова, а от того, что из моей жизни вырезали обычные вещи. Без них рассказ выглядел гладким, почти чужим.

Ночью я отправила редакции короткое письмо. Не обвинение, а вопрос: откуда взяли текст? Прикрепила фрагмент с исправлениями, где было видно, что я меняла дату и место. Потом легла спать, не выключая свет в коридоре. Я давно не боялась темноты. Сейчас свет был нужен просто для того, чтобы видеть знакомую стену, когда проснусь.

Глава 3. Саша

Меня зовут Юля, мне тридцать четыре. Я работаю редактором образовательных материалов, не веду публичного блога и не публикую семейные истории. Иногда пишу заметки для себя, потому что разговор с пустой страницей требует меньше храбрости, чем разговор с живым человеком.

К утру выпуск собрал тысячи прослушиваний. Сашу благодарили за смелость, просили контакты её психолога. Я читала комментарии и всё время хотела написать: «Это было со мной». Но от мысли, что придётся рассказывать незнакомым людям о собственном отце, меня тошнило.

Я написала редакции. Приложила дату создания черновика, текст заметки, фрагмент аудиофайла и попросила выяснить источник. Ответ пришёл сухой: «Гостья предоставила личную историю. Наличие сходства не доказывает заимствования».

Вечером позвонила бывшая подруга Лера. Мы не общались почти два года.

— Ты слышала? — спросила она.

— Слышала.

— Я сразу подумала о тебе. Но ведь у вас разные фамилии, разные города.

— Ступеньки те же.

Лера нервно рассмеялась.

— Ну совпало. Люди часто считают ступеньки.

Она быстро сменила тему. Я давно знала её привычку уходить от неприятных разговоров, но прежде никогда не связывала с собственными дневниками.

Мы с Лерой познакомились в день, когда я едва не опоздала на собеседование. У меня порвался ремешок сумки, все бумаги высыпались на лестницу. Она помогла собрать листы и засмеялась: «Поздравляю. Мы уже прошли совместное испытание». Через месяц мы делили обед на рабочей кухне, через год — квартиру после моей ссоры с Костей. Когда умер отец, Лера приехала ночью с термосом чая и молча сидела рядом до утра.

Я не хотела подозревать Леру. Открывала её номер, потом закрывала телефон. Вспоминала, как она сидела у меня после похорон и пила остывший чай, не задавая ни одного вопроса. Удобнее было думать, что файл попал к агентству случайно.

Я открыла наш старый чат. Там оставались фотографии пиццы, её смешные рассказы о командировках, поздравления и голосовые, где мы смеялись так громко, что не могли договорить. Между ними — файл с названием «На курс. Без фамилии». Я сама отправила его ей, но рядом отдельным сообщением написала: «Только для обсуждения в группе. Никуда не публикуй».

Я сохранила чат целиком. Отметка «Только для обсуждения в группе» осталась на месте. Наконец-то у меня в руках был хоть какой-то документ, а не чужие уверенные слова.

Мы когда-то вместе работали в культурном центре. Для курса по автобиографическому письму я передавала ей несколько своих заметок на редактуру. Не весь архив, только отдельные фрагменты. Но «Двадцать четвёртая ступенька» входила в подборку.

Я позвонила Лере снова. Она не ответила.

Глава 4. Дневник для курса

Я вспомнила, как мы с Лерой записались на курс автобиографического письма. Занятия проходили в старом культурном центре, где окна не закрывались до конца, а в коридоре всегда пахло дешёвым кофе. В группе было восемь человек: кто-то писал о детстве, кто-то о разводе, кто-то пытался разобраться, почему перестал разговаривать с братом. Преподаватель просила не обсуждать чужие тексты вне аудитории.

Я принесла туда историю про отца, потому что тогда ещё не умела говорить о нём с близкими. На первых занятиях читала только нейтральные фрагменты — про реку, гараж, потерянную гайку. Лера настояла, что самая сильная сцена спрятана в начале, где я не поднимаюсь по лестнице. Я разозлилась: это было не литературное упражнение, а чужой совет о моей жизни.

После занятия мы сидели в кофейне и спорили. Лера говорила, что честность важнее удобства. Я отвечала, что честность не обязана быть публичной. Потом она извинилась. Мы заказали пирожные, придумали смешные названия для рассказов и решили, что больше не будем давать друг другу редакторские советы без просьбы.

Теперь, вспоминая тот день, я поняла, почему мне было так больно от её звонка. Она знала границу не хуже меня. Мы даже договорились об этом вслух.

Я нашла старое письмо преподавателя с правилами курса. В нём прямо говорилось, что тексты остаются собственностью авторов и не передаются третьим лицам. Сделала копию. Рядом положила сообщение Лере: «Только для обсуждения в группе». Два маленьких документа, которые не могли вернуть мне прежнюю дружбу, но помогали хотя бы не сомневаться в собственных воспоминаниях.

* * *

Редакторское письмо от агентства обнаружилось в старой папке с рекламой. Лера когда-то пересылала мне объявление о конкурсе «Настоящая история года». Внизу стояло название фирмы «Форма. Истории». Тогда я не придала этому значения: подобных конкурсов было много, я не собиралась участвовать.

Я открыла сайт и увидела знакомые выражения о «подлинных голосах» и «эмоциональном опыте». Слово «подлинный» повторялось так часто, что начинало раздражать. На странице не было ни одного объяснения, как авторы дают согласие на использование личных текстов.

Я написала в поддержку. Попросила указать, кто владеет правами на материалы, переданные через посредника, и как удаляются сведения по требованию автора. Автоматический ответ пришёл через секунду, настоящий — только на третий день. В нём говорилось, что агентство сотрудничает с независимыми авторами и «ценит доверие участников». На конкретный вопрос никто не ответил.

Я закрыла письмо и пошла на работу. На совещании обсуждали учебник для подростков. Один автор предлагал вырезать сложный абзац, потому что «детям не нужно лишнее». Я вдруг сказала слишком резко, что нельзя решать за читателя, что ему можно знать. Коллеги замолчали. Я поняла, что перенесла свою злость в чужой текст.

После совещания извинилась перед автором. Он сказал, что мои замечания были по делу, но тон мог быть мягче. Я согласилась. Мы вместе переписали абзац — яснее, короче, не пряча сложную мысль. Вечером я записала в блокнот, что иногда умею защищать чужой текст лучше собственного. Это было не утешение, просто наблюдение.

* * *

Я всё-таки позвонила Косте. Не спросила, удобно ли ему, сразу заговорила про подкаст. Через минуту поняла, что он молчит. Спросила, слышит ли меня. Он ответил:

— Слышу. Просто не понимаю, зачем ты звонишь именно мне.

Я почувствовала, как лицо стало горячим. Мы не были вместе два года, и он имел полное право спрашивать.

— Потому что ты знаешь историю про папу.

— Знаю. Но я не могу снова быть человеком, которому ты звонишь только в беде.

Я хотела сказать, что он несправедлив, вспомнить, сколько раз поддерживала его во время переезда. Вместо этого спросила, хочет ли он вообще разговаривать. Он ответил, что сейчас занят и сможет вечером.

Вечером я не дождалась его звонка. Ушла гулять, вернулась поздно, нашла пропущенный вызов и сообщение: «Я свободен. Но если тебе нужен совет, лучше сначала сформулируй, какой». Я долго думала. Затем написала, что хочу не совета, а чтобы кто-то выслушал несколько минут и не пытался решать за меня.

Костя позвонил на следующий день. Мы говорили спокойно. Он не обещал приехать и не предлагал восстановить отношения. Спросил, сохранился ли мой дневник. Когда узнал, что сохранился, сказал: «Тогда хотя бы ты сама знаешь, что писала». Я неожиданно почувствовала облегчение. Нам не нужно было возвращаться друг к другу, чтобы он остался человеком, который помнит меня настоящую.

* * *

В коробке с документами я нашла диск, который считала потерянным. На нём были записи с курса: участники читали свои тексты, потом обсуждали. Я включила первый файл и услышала Лерин смех. Мы были моложе, говорили быстрее, перебивали друг друга без обиды.

В одном эпизоде я читала историю про отца. Дошла до строки о ступеньках и остановилась. Лера спросила, хочу ли продолжать. Я ответила «нет», и запись оборвалась. Через несколько секунд начался общий разговор о другом тексте. Никто не заставлял меня читать дальше.

Я сохранила файл и сделала копию. Не потому, что собиралась использовать его против Леры. Он напоминал, что когда-то она умела остановиться вовремя.

Вечером мама попросила показать запись. Мы послушали несколько минут. Она сказала, что у меня тогда был совсем другой голос. Я спросила, хуже или лучше. Мама ответила, что просто моложе. Мы засмеялись, и я выключила проигрыватель. Мне было достаточно услышать ту девушку, которая ещё не знала, что однажды её слова прозвучат из чужих наушников.

Глава 5. Очень настоящая биография

На странице Саши были фотографии поездок, детские снимки, публикации о семейной памяти. Она казалась реальным человеком и, вероятно, была им. Я не хотела превращать её в мошенницу только потому, что она произнесла мои слова.

Сначала я проверила то, что поддавалось проверке. В эпизоде Саша говорила о похоронах отца в августе. Мой отец умер в мае. В нашей с Лерой подборке я когда-то специально сдвинула месяц, чтобы участники курса не могли найти семью по открытым данным. Значит, Саша получила не мою жизнь, а подготовленную для семинара версию.

Я сообщила об этом редакции. Приложила ранний файл с историей правок. На этот раз мне ответил продюсер выпуска Артур. Он предложил созвониться и попросил не публиковать претензии до разговора.

— Мы хотим разобраться, — сказал он. — Но вы понимаете, что обвинение может повредить гостье?

— А использование чужого текста мне повредить не может?

Он замолчал. Потом попросил прислать материалы на служебный адрес и назвать круг людей, имевших к ним доступ.

— Я не буду называть людей без оснований, — ответила я.

— Вы осторожная.

— Я редактор.

В тот же вечер на мой телефон пришло сообщение от незнакомого номера: «Оставь Сашу в покое. Ты и так всё потеряла».

Я сохранила сообщение с номером и временем. Вечером дважды проверила замок. Потом позвонила маме, но, когда она ответила, зачем-то спросила про погоду.

Рассказывать маме о подкасте я тянула до последнего. Они с отцом давно расстались, и мама терпеть не могла разговоры о том, «каким он был человеком». А теперь этот разговор шёл в интернете без нас обеих.

— Мама, — сказала я по телефону, — кто-нибудь мог читать мои записи про папу?

— Кроме Леры? Нет. А что?

Я замолчала.

— Юля. Ты опять решила всё нести сама?

— Не хочу тебя расстраивать.

— Так. Не надо меня беречь. Ты мне скажи, что стряслось? Я хоть приеду.

Я поставила чайник и пересказала ей выпуск, не включая запись. Мама слушала, иногда шумно втягивала воздух, но не перебивала. Когда я закончила, спросила:

— Мне приехать? — спросила мама. — Или тебе сейчас лучше одной?

— Не вешай трубку пока, — попросила я. Мы помолчали. У мамы звенела ложка о стакан, у меня закипал чайник. Я так и стояла у плиты с телефоном у уха.

Глава 6. Мама в старом пальто

Мама приехала утром с сумкой продуктов. На ней было пальто, которое она носила ещё при жизни отца. Я давно просила купить новое; она отвечала, что это тёплое и удобное. Теперь, увидев его, я вдруг вспомнила, как родители стояли на кухне и спорили, кто заберёт меня из школы.

Мы вместе разбирали покупки. Я рассказала о подкасте подробнее, чем по телефону. Мама не перебивала, только однажды спросила, почему Саша назвала отца жестоким. Я ответила, что эту фразу придумали без меня. Мама резко поставила пакет с молоком на стол.

— Он не всегда был хорошим мужем, — сказала она. — Но и это не даёт чужим людям права придумывать про него что угодно.

Мы долго молчали. Я хотела спросить, жалеет ли она, что когда-то ушла от него. Не спросила. Мама сама рассказала, как он однажды приехал к нам ночью, чтобы отдать забытые школьные тетради. У двери они поссорились, а утром он всё равно стоял у моего дома и ждал, чтобы проводить на экзамен.

Мне было двадцать тогда, и я почти не помнила этот эпизод. Мама помнила всё иначе. Мы не стали спорить, чей вариант точнее. Сели за стол, ели хлеб с сыром. Потом мама попросила показать ей одно из писем отца. Я принесла папку, но открыть не смогла. Она не настаивала. Уходя, оставила пальто на стуле — оказалось, в квартире жарко. Я ещё долго смотрела на него, прежде чем позвонить и напомнить, что она забыла вещь.

* * *

В старых записях отца я нашла письмо, в котором он рассказывал о прогулке к реке. Он писал, что видел меня на другом берегу, но не подошёл: я была с друзьями и смеялась. Я не помнила того дня. В письме он тоже не требовал, чтобы я его помнила.

Читая, я поймала себя на желании заполнить пустоту красивой сценой: он стоит под деревом, смотрит на меня, я оборачиваюсь. Но ничего такого я не видела. Я знала только слова на бумаге и собственную привычку придумывать подробности, когда воспоминания становятся болезненными.

Я позвонила маме и спросила, помнит ли она день у реки. Она сказала, что летом я часто гуляла там с одноклассниками. Другого ответа не было. Я поблагодарила.

Вечером достала аудиофайл «Двадцать четвёртая ступенька» и прослушала целиком, впервые за годы. Мой голос был тихим, иногда я делала длинные паузы. В конце записи звучал чайник: тогда я забыла его выключить. Чужой подкаст вырезал этот звук. Мне вдруг захотелось сохранить его навсегда — не потому, что чайник был важен для истории, а потому что в тот день он стоял на моей кухне.

Я сделала резервную копию файла и положила её отдельно от документов для редакции. Оригинал остался у меня. Это была не вещь, которую нужно всем показывать, чтобы доказать своё право на память.

* * *

По дороге на работу я свернула к школе, где училась. Здание покрасили, на заборе появились яркие рисунки. Вход был закрыт, но через решётку я увидела старую спортивную площадку. Когда-то отец приходил туда смотреть, как мы бегаем эстафету. Опаздывал, зато всегда покупал после соревнований мороженое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.